

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ А.В. КАРПОВА
“ПСИХОЛОГИЯ СОЗНАНИЯ: МЕТАСИСТЕМНЫЙ ПОДХОД”. М.:
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ РАО, 2011

Проблема сознания по праву принадлежит к числу наиболее важных, фундаментальных проблем психологии. Одновременно она характеризуется и наибольшей, по существу, предельной степенью сложности. Сознание “упорно сопротивляется” любой концептуализации и во многом продолжает оставаться столь же непонятным научному познанию, сколь понятным оно представляется познанию обыденному. Сочетание теоретической значимости данной проблемы с явно недостаточным уровнем разработанности определяет ее высокую актуальность. Фактически, любые серьезные попытки ее исследования актуальны по определению; в особенности это относится к исследованиям комплексного, обобщающего характера, каковой является рецензируемая монография. Вместе с тем именно такой характер обуславливает определенные трудности ее рецензирования, связанные с очень большим объемом представленных материалов. По существу, каждый из трех основных разделов книги (“История и методология”, “Структура и функционирование”, “Генезис и качественная гетерогенность сознания”) и по характеру, и по содержанию представленных в них материалов вполне соответствует статусу отдельной работы. В связи с этим представляется целесообразным остановиться на оценке не всех, а лишь наиболее существенных результатов.

Первый раздел книги включает две главы – историко-психологическую и методологическую. Детальный и тщательный по характеру и масштабу охвату анализ, посвященный истории и логике развития проблемы сознания, приводит автора к вполне обоснованному выводу, согласно которому дальнейший ощутимый прогресс в разработке психологии сознания требует не только и даже не столько развития уже существующих подходов, сколько созданию *новых подходов* к ее исследованию. При этом они должны удовлетворять, как минимум, трем критериям: быть конструктивными в плане решения “основной загадки” сознания – свойства самопрезентированности; быть не “отрицающими” по отношению к раз-

работанным ранее подходам, а, по возможности, синтезировать их; быть не частными, а обобщающими, то есть собственно концептуальными.

Всем этим критериям, а также иным императивам конструктивной разработки проблемы сознания удовлетворяет предложенный автором новый методологический подход, обозначенный им как *метасистемный*. Его основная идея заключается в следующем. Традиционно сложившиеся в классическом системном подходе представления, согласно которым любая система включена в определенную, более общую по отношению к ней метасистему и выступает как ее составляющая, не являются универсальными. Реально существуют и такие системы (наиболее показательной среди которых и выступает сама психика), которые характеризуются принципиально новой и, по существу, уникальной особенностью – способностью к включению в свой состав и содержание той метасистемы, составляющей которой они сами являются. Речь при этом, конечно, идет не об онтологическом (материальном) включении метасистемы в систему, а лишь о включении *функциональном*. Действительно, атрибутивная природа психики такова, что внешняя – *объективная реальность* (как метасистема, с которой исходно взаимодействует психика) получает в ней своего рода “удвоенное” существование в виде *субъективной реальности* – в форме так называемого “отраженного” (если пользоваться традиционной терминологией). Эта субъективная реальность может принимать разнообразные формы, по-разному обозначаться и трактоваться в плане ее механизмов, структур и процессов, но сам факт ее существования неоспорим. Следовательно, можно констатировать, что та метасистема, с которой исходно взаимодействует психика, в которую она объективно включена и которая “внешнеположена” ей, оказывается представленной в структуре и содержании самой психики. Она транспонируется в психику, хотя и в очень специфической форме – в форме реальности субъективной. Объективный мир (как метасистема по отношению к психике), а также взаимодействия с ним оказы-

ваются транспонированными – “встроенными” в саму систему – психику. Последняя должна быть поэтому проинтерпретирована как система со “встроенным” метасистемным уровнем.

При всей оригинальности авторского подхода остается неясным, что же представляет собой психика до “включения” в нее метасистемы, с которой она исходно взаимодействует. Внешний мир не “встраивается” в психику, а будучи функционально отраженным, составляет субъективное содержание психики.

Вместе с тем тезис о понимании психики как системы со “встроенным” метасистемным уровнем распространяется автором не только по отношению к психике в целом, но и по отношению к ее основным составляющим, в особенности – к сознанию. Дело в том, что между сознанием (как системой) и психикой (как метасистемой) складываются отношения, тождественные охарактеризованным выше. Действительно, основным качеством сознания является свойство самопрезентированности – данности психического самому себе, способности самоотражения. Это, однако, возможно лишь в том случае, отмечает автор, если само сознание выступает в качестве такой системы, которая способна к включению, “встраиванию” в себя основных содержательных и операционных характеристик всей метасистемы психического.

Наиболее фундаментальное и одновременно загадочное свойство психического – свойство самопрезентированности, приводящее к становлению феномена сознания и образующее самую его суть, является тем самым прямым и необходимым следствием принадлежности сознания к системам со “встроенным” метасистемным уровнем. Подчеркнем, что при всей новизне и нетрадиционности сформулированного подхода он, в действительности, не только не противоречит базовым положениям системного подхода, но и в существенной степени развивает их. Достаточно отметить в связи с этим, что именно подобные представления конкретизируют и наполняют реальным содержанием фундаментальный принцип мультипликативности целого в частях, продуктивно реализованный к настоящему времени по отношению к ряду психологических проблем (в том числе, и в наших работах – по отношению к проблеме способностей).

Очень показательно, далее, что эвристические возможности предложенного автором общеметодологического подхода к проблеме сознания наиболее отчетливо проявляются не только в плане объяснения *основного* свойства сознания – свой-

ства самопрезентированности, но и в отношении двух других и также *основных* категорий его закономерностей – структурных и функциональных. Они подробно раскрыты во втором разделе книги (“Структура и функционирование”). Наиболее общим итогом такого рассмотрения является то, что автору удалось предложить принципиально новые авторские варианты решения двух ключевых для всей психологии сознания проблем – проблемы его *структурной* организации и *функциональной* динамики.

Так, формулируя свой вариант решения проблемы структурной организации сознания, автор справедливо подчеркивает, что многие предпринимавшиеся ранее попытки ее решения были недостаточно продуктивны в силу общей для них исходной гносеологической установки. “Пространством” для поиска структурных закономерностей, как правило (или даже – практически всегда), выступало множество тех или иных собственно *структурных* компонентов, то есть итоговых, *результативных* психических образований. Вместе с тем все они – суть лишь проявления, результативные эффекты вполне определенных собственно процессуальных операционных средств и механизмов. Однако, анализируя только *проявления*, крайне затруднительно проникнуть в *сущность*. И наоборот, глубинная, латентная структура сознания, сама сущность его структурной организации могут быть раскрыты лишь посредством выявления тех процессуальных средств и механизмов, которые лежат за “феноменологическим фасадом” его результативных проявлений. Таким образом, структура сознания по заключению автора это, прежде всего, структура его процессуально-психологического обеспечения.

К сожалению, автор не обращается к проблеме порождения психики деятельностью, которую реализует субъект, а без этого нельзя дать полной и убедительной картины структурного организма и функциональной динамики психики в ее содержательном аспекте.

Реализуя авторскую – во многом противоположную по отношению к традиционной – гносеологическую установку и опираясь на новейшие данные в области психических процессов, а также на собственные исследования, автор приходит к ряду значимых, на наш взгляд, теоретических выводов. Так, он вполне обоснованно заключает, что ключевую, определяющую роль в структурной организации сознания играет особый, качественно специфический и относительно недавно дифференцированный класс психических процес-

сов – “вторичные” процессы (метапроцессы). Это как метакогнитивные, изучающиеся в современном метакогнитивизме (например, метапамять, метамышление), так и процессы собственно регулятивной направленности (охарактеризованные в разработанной автором ранее концепции интегральных процессов регуляции деятельности). Основными, атрибутивными чертами всех “вторичных” процессов являются, во-первых, их комплексный, составной характер, и, во-вторых, то, что в них тот или иной “первичный” процесс (например, память или мышление) реализует свой собственно операционный потенциал по отношению либо к самому себе, либо к иным процессам. Тем самым, психические процессы, не утрачивая своего исходного статуса – статуса *оператора*, обретают и статус *операнда*, то есть становятся своеобразным “материалом”, “предметом” процессуальной регуляции и организации ими же самими. В результате возникает очень общий и определяющий для сознания феномен, а точнее – механизм, выявленный автором и обозначенный как механизм *операндно-операторной обратимости*, который во многом и лежит в основе свойств самопрезентированности и самосензитивности как основных для сознания.

Достаточно интересным представляется заключение автора (подкрепленное экспериментальными данными), согласно которому вся совокупность “вторичных” процессов является, в действительности, системой конкретных парциальных операционных средств процесса еще более высокого уровня организации – рефлексии. Тем самым, и рефлексия обретает свой атрибутивный статус – своего рода “третичного” процесса, интегрирующего в себе всю структуру процессуальных средств, обеспечивающих сознание и образующих в совокупности общесистемный уровень его процессуального обеспечения. Вместе с тем отличительная черта сознания заключается в том, что по отношению к нему общесистемный уровень не является высшим и ведущим, как для подавляющего большинства иных систем. Дело в том, что, как отмечалось выше, эту роль в структурной организации сознания выполняет особый – метасистемный уровень, образованный совокупностью субъективных саморепрезентаций в сознании, по существу, всех основных “составляющих” психики (как метасистемы по отношению к системе – сознанию). Наконец, совершенно логично заключает автор, вся эта иерархия уровней базируется на еще одном (необходимом для любой процессуально-психологической организации) уровне, на котором локализованы собственно *психические*

функции, выступающие онтологической основой для самих “первичных” процессов.

Таким образом, А.В. Карповым дано оригинальное и достаточно обобщенное решение проблемы структурной организации сознания; показано, что она базируется на структурно-уровневом принципе и образует целостную иерархию пяти основных макроуровней.

Конструктивность и обоснованность решения проблемы сознания в структурном плане проявилась далее в том, что оказалось возможным получить ряд новых данных относительно закономерностей организации сознания и в иных, также важнейших гносеологических планах – функциональном, генетическом и интегративном. При этом следует подчеркнуть общую особенность проводимого автором анализа проблемы сознания: он и по постановке исследовательских вопросов, и по направленности, и по результатам во многом отличается от традиций, сложившихся к настоящему времени, что, однако, выступает важной предпосылкой получения существенно новых данных.

Так, в частности, при рассмотрении проблемы сознания в функциональном плане традиционно принято делать акцент на анализе так называемых “функций сознания”. Автор же считает, что это, хотя и важный, но все же производный вопрос; главной является задача раскрытия того, на основе каких *собственных функциональных закономерностей* организовано само сознание; как оно функционально организовано в “пространстве” своего содержания и временной динамики. В результате комплексного исследования этих вопросов автор выявляет и интерпретирует развернутую совокупность собственно функциональных закономерностей организации сознания (представленную в 5 главе). Определяющую роль в их раскрытии играет, по мнению А.В. Карпова, особый тип системности и, соответственно, новое понятие для его обозначения – *временная системность*. Это понятие конкретизирует и углубляет развитые автором представления о собственно структурной организации сознания. Действительно, поскольку в основе сознания лежит определенная иерархия *разноуровневых* процессуальных образований, то и решающим условием для ее эффективного функционирования является адекватная ее природе – также процессуальная, собственно *временная организация* этих образований. Лишь при условии их координации, синхронизации, временной распределенности, соподчиненности, интеграции и др., а в результате – их собственно временной организации –

сознание обретает черты целостности, выступает как временная система и становится носителем соответствующих, то есть *временных системных качеств*. С этой точки зрения, сознание представляет собой “процесс по организации процессов” и, следовательно, *временную систему*, компонентами которой выступают также атрибутивно временные (процессуальные) образования. Но и в данном вопросе было бы полезно обратиться к проблеме связи функциональной организации и обеспечения деятельности со стороны психики.

Заслуживает также внимания предложенное автором понятие метасознательной формы организации информации – *метасознательной репрезентации*. Это такая репрезентация содержания психического, которая, являясь неосознаваемой, в то же время выступает более сложной, чем осознаваемая. Последнее связано с тем, что ее содержание прежде, чем стать неосознаваемым, обязательно подвергалось осознанию, то есть уже *проходило опосредствование сознанием*. В данной форме, однако, как показывает автор, не происходит никаких “информационных потерь” и “упрощений”, а репрезентации сохраняются в том же самом объеме и богатстве содержания, в котором они функционировали, будучи осознанными. Вместе с тем очевидно, что эта форма предполагает подключение дополнительных механизмов, поскольку в ней информация представлена не в актуальной, а в более сложной – *виртуальной* форме. Метасознательная форма – это репрезентация, в которой зафиксирована не “память на события”, а “память на осознание этих событий”. Данный вывод содействует углублению и дифференциации содержания как категории неосознаваемого, так и представлений о специфике различных типов мнемических процессов.

Позитивной оценки заслуживает и то, что специальная глава книги посвящена очень важному, но слабо разработанному аспекту проблемы сознания – генетическому. В результате комплекса осуществленных исследований автору удалось получить наиболее общий и принципиальный результат. Он состоит в доказательстве того, что по своему характеру и содержанию, по принципам и закономерностям генезиса сознания представляет собой процесс *системогенеза*. Это непосредственно следует из факта реализованности в общем процессе генезиса сознания всех основных принципов, которые составляют суть системогенетического типа развития (неравномерности, гетерохронности, консолидации, дифференциации, иерархизации и др.). Вместе с тем, поскольку сознание, как было показано выше, является *спе-*

цифической системой со “встроенным” метасистемным уровнем, то эти принципы дополняются и обогащаются новыми, специфическими закономерностями генетического плана, подробно раскрытыми в соответствующей главе книги. Таким образом, несомненной заслугой автора является, с одной стороны, осуществленное впервые доказательство принадлежности формирования и развития сознания к системогенетическому типу, а с другой, концептуальное расширение самой теории системогенеза на принципиально новую для нее сферу – проблему сознания.

Наконец, в заключительной главе книги проблема сознания подробно анализируется в еще одном важнейшем гносеологическом плане – интегративном. Он, как известно, направлен на раскрытие и интерпретацию наиболее обобщенных характеристик того или иного предмета исследования – *базовых типов его качеств*, образующих “самое важное” в нем – его *качественную определенность*. Выделяя основной, на наш взгляд, результат данной главы, отметим следующее. Автором обосновано положение, согласно которому три основных категории качеств, дифференцируемые в современном научном познании: материальные (субстанциональные), функциональные и системные, – не исчерпывают всего их реального многообразия и именно поэтому недостаточны для раскрытия качественной определенности сознания. Эти категории должны быть дополнены, как минимум, еще двумя типами качеств, обозначенными автором как *метасистемные* и *виртуальные* качества. Так, известно, что очень характерной для психики является категория системных качеств, обладающих атрибутом “сверхчувственности” – представленности только в идеальной форме. Они “не ощущаемы”, но все же “идеально даны”, вообще – образуют идеальность как таковую. Однако не менее специфично и то, что содержание психического может быть представлено (и реально представлено) и в еще более сложном виде – оно может не только “не ощущаться”, но и не быть идеально данным, но все же существовать в психике – в виде рассмотренных выше метасознательных репрезентаций.

Безусловно, выше были рассмотрены далеко не все, а лишь некоторые основные результаты, представленные в рецензируемом труде. Подводя итоги, можно сделать следующее общее заключение. Монография А.В. Карпова – это фундаментальный научный труд, посвященный одной из центральных проблем психологии – проблеме сознания. В ней предложено концептуальное решение данной проблемы в целостной совокупности

ее основных и определяющих гносеологических планов – метасистемном, структурном, функциональном, генетическом и интегративном. В результате этого разработаны основы авторской психологической концепции сознания, характеризующейся полнотой охвата и доказательностью эмпирической и теоретической базы. Она является существенным шагом на пути разработки общепсихологической проблемы сознания. Отметим также, что данная книга вошла в цикл исследований А.В. Карпова, удостоенный премии им. С.Л. Рубинштейна; кроме того, она была признана лучшей научной монографией по психологии в конкурсе, состоявшемся в рамках V Съезда Российского психологического общества. Как и любая теория, представленная в монографии

точка зрения не закрывает и других подходов к пониманию сознания, его содержания, структуры и функционирования. В частности, предложенная концепция рассматривает суждения преимущественно в когнитивно-рациональной сфере. В стороне остаются эмоции и переживания, мотивация, духовные способности и другие психические реалии, которые существенно повлияют на понимание механизмов сознания.

Хочется пожелать автору дальнейших успехов на пути познания психики.

В. Д. Шадриков,
академик РАО,
доктор психологических наук, профессор

* * *

ХРОНИКА

На заседании Диссертационного совета Д 002.016.01 при Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте психологии РАН состоялась защита диссертации, представленной на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.03 психология труда, инженерная психология, эргономика (психологические науки) *Ириной Викторовной Кожановой* по теме “Ценностно-мотивационные характеристики специалистов как фактор выбора способов взаимодействия с информационными технологиями” (научный руководитель – доктор психологических наук, профессор *А.А. Обознов*).

Работа посвящена исследованию взаимосвязи ценностно-мотивационных характеристик сотрудников налоговых органов и предпочитаемых ими способов взаимодействия с информационными технологиями. Установлено, что типичным для сотрудников налоговых органов является конвенциональный тип личности, в ценностно-мотивационной сфере которой доминирует ценность

стабильного существования себя и общества, а также мотив избегания неудач. При этом сотрудники различаются в зависимости от субъективной значимости для них ценностей самостоятельности в принятии решений и карьерного роста, а также по соотношению выраженности конвенциональных и предпринимательских профессиональных предпочтений. Выявленные особенности ценностно-мотивационных характеристик сотрудников налоговой службы обуславливают выбор таких способов взаимодействия с информационными технологиями, которые отличаются однозначностью и определенностью поставленных задач и алгоритмов исполнительных действий, снижают неопределенность принятия решения и минимизируют субъективную вероятность совершения ошибочных действий. Подтверждена эффективность применения программного обеспечения, модифицированного с учетом особенностей ценностно-мотивационных характеристик сотрудников налоговых органов.